

III. ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(37)08

Д.С. Коныков

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ВЕСТГОТОВ В 471–475 гг. КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕГРАЦИИ В СИСТЕМНЫЕ ПРОЦЕССЫ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Исследуется период 471–475 гг. в истории Римской империи. В это время империя испытывала большие структурные трудности, связанные с фракционной борьбой как в центре, так и в провинциях. Конфронтация и конфликты, последовавшие за смертью императора Гонория, поставили под вопрос будущее империи и породили неуверенность в перспективах у ее жителей. Рассматривается проблема социальной адаптации на уровне интеграции варваров в систему имперского государства, ослабевшего, но отнюдь не рухнувшего. Для решения данного вопроса анализируются данные письменных источников, освещающих обозначенный период в истории вестготов, а также рассматриваются и сопоставляются точки зрения различных отечественных и зарубежных историков-специалистов.

Ключевые слова: вестготы, варвары, поздняя Римская империя, Эврих, социальная адаптация, этническая адаптация, традиционное общество, межэтнические конфликты, стратегии межэтнического взаимодействия, интеграция негосударственных обществ в государство.

В современной историографии существует убеждение в том, что падению Римской империи способствовала сознательная агрессивная политика варварских вождей. Корни этого убеждения прослеживаются вплоть до Августина Блаженного, связывавшего разорение Рима с божественным предопределением. Даже в ранней античной историографии можно найти следы восприятия варваров как некоей мистической силы, призванной дать пример Риму или его покарать. Германистская школа исторических исследований только способствовала развитию этих убеждений. Рационалистические приоритеты отечественных исследователей-марксистов, таких как Д.М. Петрушевский, А.И. Неусыхин и А.Р. Корсунский, не изменили общей тенденции, но дополнили ее модернистским подходом к становлению варварских королевств как априори заданному историческому тренду. Представляется, что воспринимать действия варваров как планомерную, продуманную и отрефлектированную борьбу за независимость от империи или принципиально против империи в корне ошибочно. Не потому, что названные интенции во взаимодействии варваров и империи отсутствовали, а потому, что это упрощает и утрирует, а в итоге – делает неадекватным представление о сложившейся многоуровневой системе координат в пространстве поздней античности. Для приближения к реконструкции этой системы в данной статье анализируется период 471–475 гг., излет существования Западной империи. Зачастую он оценивается как прошедший под знаком преобладания деструктивных системных процессов и

становления первых самостоятельных варварских королевств, в частности королевства вестготов в Аквитании. Однако представляется, что, напротив, этот период являлся для тех же вестготов временем социально-политической адаптации и интеграции в римское общество, большей, чем когда-либо ранее.

Следует согласиться с Х. Вольфрамом в том, что по имеющимся источникам сложно восстановить хронологию событий 471–475 гг. [1. С. 264]. Однако понимание общей ситуации вполне возможно. При анализе развертывания социально-политических процессов в Аквитании в первой половине 470-х гг. необходимо иметь в виду, что ситуацию в провинции в значительной степени определяли политические перипетии в Равенне. Ослабление позиций императора Анфемия в результате поражения, понесенного от вестготов в 470 г., положило конец временной стабилизации обстановки в Италии. Римский патриций свевского происхождения, *magister militum* империи Рикимер, столь же влиятельный, как и император, ссорился и мирился с Анфемием, пока, в конечном счете, не выступил против него открыто. Существует соблазн оценивать это противостояние как проявление борьбы про- и антиварварских партий. Однако П. Мак-Джордж закономерно подчеркивает, что и у Анфемия, и у Рикимера имелись свои сторонники среди италийской знати, причем обычно подобные союзы были очень неустойчивы, изменчивы и текучи [2. Р. 244]. То, что Анфемий сопротивлялся в течение пяти месяцев, говорит о примерном паритете сил. Это свидетельст-

вует о расколе среди италийской знати. О подобных процессах свидетельствует и Сидоний Апполинарий в Аквитании. Существует большая вероятность, что причины этих процессов идентичны и сводятся к различным идеалам и ожиданиям представителей имперской аристократии.

Следует обозначить интересы противостоящих аристократических группировок – они достаточно прозрачны. Знать, сделавшая ставку на Анфемия, надеялась на укрепление и стабилизацию империи благодаря помощи от восточного императора, креатурой которого являлся Анфемий. Поддерживая его, можно было рассчитывать на последующую хорошую карьеру и высокие государственные посты – это очевидно по примеру того же Сидония Апполинария, написавшего панегирик в адрес Анфемиа в 468 г. и вскоре назначенного префектом Рима [3. Р. 5].

С другой стороны, значительная часть италийской знати стремилась к автономии от Константинополя, поддерживая, соответственно, Рикимера. В провинциях, например в Галлии, ситуация усложнялась тем, что противостояние с Востоком дополнялось противостоянием с Равенной. Количество различных партий и вариантов для маневра было достаточно большим, однако и выбор был рискованным в условиях нестабильности и непредсказуемости имперской системы в начале 470-х гг. В конечном счете выигрывал тот, кто мог подкрепить свои цели силой. Наиболее организованной силой в Аквитании и Испании были вестготы Эвриха, их симпатии и приоритеты могли решить исход любого конфликта фракций - отсюда особенное к ним внимание со стороны авторов источников. Но при этом следует подчеркнуть, что не вестготы сами по себе являлись источником или провокатором этих конфликтов. Их позиция была в целом нейтральна и соответствовала традиционным ориентирам на федератские отношения в рамках имперской системы с учетом всех выгод политической конъюнктуры.

В этом смысле показателен пример использования другого крупного варварского объединения - бургундов - для разрешения конфликта в Италии. И Анфемий, и Рикимер обращались за помощью к предводителю бургундов Гундобаду, однако тот предпочел поддержать своего дядю по матери Рикимера, и в 472 г. Анфемий был казнен. При этом нельзя переоценивать родовую или этническую корпоративность в среде варваров, которая, казалось бы, проявилась в этом выборе Гундобада. Скорее, сыграла свою роль слабость Константинополя, в тот момент занятого борьбой при восточном дворе. Бургунды несколько ранее

выступали на стороне Анфемиа против вестготов, следовательно, не были принципиально против императора-грека. Еще ранее Рикимер использовал тех же вестготов против Эгидия в попытках сохранить контроль над Галлией [2. Р. 227]. Очевидно, что конкретные действия варварских предводителей с их войсками, выбор ими сторон, определялись сиюминутными прагматическими соображениями.

Однако существенно то, что по сравнению с ситуацией начала V века вожди варварских группировок значительно лучше ориентировались в комплексной обстановке в империи. К этому времени они были уже достаточно интегрированы в имперскую социально-политическую систему, чтобы не ограничиваться пассивными и зачастую растерянными реакциями на изменения курса властей. Одновременно эта степень интеграции принесла понимание пользы выжидательной позиции для использования внутриимперских противоречий. Но для этого в общественном сознании варваров должен был измениться сам образ империи. Очевидно, что понимание империи как института стало более глубоким, многогранным и близким к реальности. В свою очередь, это свидетельствует о растущей системной интеграции варваров в империю уже на ментальном уровне – при сохранении пиетета к империи как к идеальному образу и дистанцированности от него как признака варварской идентичности.

Рост интегрированности варваров в империю хорошо просматривается на примере действий Эвриха в 471–475 гг., которые учитывали не только внутреннюю ситуацию в Аквитании, но и баланс сил в Испании и Северной Галлии. Все эти провинции сосредоточились на собственных проблемах и интересах, развязав Эвриху руки в возможности выбора сторон в борьбе внутри аквитанской и иберийской аристократии. Он использовал эти возможности, расширив сферу своего контроля, но это произошло ровно в той степени, насколько вмешательство Эвриха было востребовано местными элитами. Овернь и Клермон долгое время самостоятельно сопротивлялись вестготам; Северная Галлия опиралась на бургундов, франков и бретонцев.

Краткое сообщение Галльской хроники указывает на то, что Эврих пытался узнать и о ситуации в Италии с помощью своего иберо-романского соратника Вицентия [4. С. 102]. К сожалению, из этого сообщения невозможно понять, какова была конкретная миссия Вицентия – указано лишь, что он был отправлен Эврихом как *magister militum* и был убит некими комитами Аллой и Свинтилой.

Хотя Х. Вольфрам рассматривает это как свидетельство военного вторжения в Италию войск Эвриха [1. С. 267, 269], источник не говорит об этом прямо. Впрочем, сам Х. Вольфрам затрудняется с хронологической привязкой этого сообщения – никаких иных свидетельств военной активности Эвриха в Италии нет. Опираясь на работу Л. Шмидта «Die Ostergermanen» 1941 г., Х. Вольфрам предполагает контаминацию событий, относя поход Вицентия в Италию ко временам Одоакра (после 476 г.) очевидно, исходя из восточно-германского происхождения имен «Алла» и «Свинтила», что связывает их с ругиями Одоакра. Однако подобный аргумент не является убедительным. Учитывая, что итальянские войска в период поздней империи были неоднородны по своему происхождению, включая в себя самые различные группы варваров, нельзя ассоциировать восточных германцев только с Одоакром. Кроме того, сам Одоакр был одним из приближенных Рикимера – с последним связано начало его карьеры, поэтому ничто не противоречит более ранней датировке визита Вицентия в Италию. Более общепринятая дата посещения Вицентием Италии и его смерти от рук Аллы и Свинтилы – 473 г., что лучше соответствует последовательности изложения в источнике [5. Р. 60, 1016, 1168]. Для анализа политики Эвриха в этот период, для понимания его мотивов и целей необходимо ответить на вопрос, что делал в Италии *magister militum* Испании Вицентий, и почему именно он.

Очевидно, что Вицентий действовал в Италии не самостоятельно, а был представителем Эвриха. Однако симптоматично, что Эврих отправил в Италию не кого-либо из своих приближенных-вестготов, а иберо-романского чиновника. Это говорит о значимости римлян для вестготов, о доверии и взаимной поддержке между ними. Миссия в Италии была важна, но вряд ли речь шла о простом завоевании. Основные источники, освещающие историю готов – хроники Иордана и Исидора, – не упоминают о подобном походе, хотя акцентируют внимание на завоевательной политике Эвриха в Галлии и Иберии [6. С. 108; 7]. Образ Эвриха у указанных авторов имеет подчеркнутые черты агрессивного воителя, и поход на Италию не мог остаться не отмеченным в этом контексте. Следовательно, ситуация была сложнее и неоднозначнее, нежели простая борьба за максимальное распространение собственной власти на останках распадающейся империи.

Иордан утверждает, что Эврих пользовался неустойчивостью империи (*Euricus rex Vesegotharum Romani regni vacillationem cernens*), но представляется, что нестабильность власти в Риме и

Равенне в это время скорее создавала для вестготов сложности, нежели помогала осуществить некие самостоятельные планы. Соперничество Рикимера и Анфемия, вылившееся в открытое противостояние, не позволяло Эвриху достичь внятного соглашения о своем статусе ни с одним из них; в равной степени и романская знать провинций была в замешательстве от противоречивых известий из Италии, непредсказуемости развития событий и неопределенности планов высших лиц империи. Положение усугубило то, что в течение 472 г. произошла практически полная смена поколений у власти – умерли и Анфемий, и Рикимер, и ставленник последнего Олибрий. Гундобад, *magister militum* Галлии, племянник Рикимера, вызванный на помощь в Равенну, стал новым патрицием, военачальником и, по сути, единственной силой, ассоциируемой с Западной империей, гарантом ее существования [5. Р. 524]. Хотя Иоанн Малала утверждает, что Гундобад не задерживался в Италии, сразу же после смерти Анфемия возвратившись в Галлию [8. Р. 207], это, по всей видимости, неверно. Молодой патриций пребывал в Равенне по крайней мере до 474 г. и, возможно, оставался бы там и дольше, если бы не события среди бургундов, связанных с разгоревшимся соперничеством за пост вождя, что потребовало его присутствия в Галлии. В 473 г. ему было около 20–25 лет; для итальянской и константинопольской знати Гундобад был незнакомой фигурой. Можно предположить, что Эврих знал о Гундобаде больше в силу близкого соседства и столкновений с бургундскими формированиями под Арлем. Оказавшись в Италии, Гундобад столкнулся с тем же выбором, что и другие предводители варваров в это время: какую из множества партий поддержать. Судя по избранию (или, как утверждает Иордан, скорее упреждающему захвату престола (*plus presumptione quam electione*)) [6. С. 107]) новым императором Гликерием, *comites domesticorum* в Равенне, Гундобад сделал выбор в пользу местной итальянской гвардии [5. Р. 514].

Возможно, именно в этот процесс формирования новой элиты, перестройки властных взаимосвязей, восстановления баланса партий в Италии попытался вмешаться Эврих и аристократы Иберии и Аквитании через миссию Вицентия. Необходимо подчеркнуть, что инициатива посещения Вицентием Италии не могла исходить только от Эвриха – иначе последний отправил бы туда кого-либо из вестготов; если же завоевание Италии действительно было приоритетной целью для Эвриха, то он отправился бы туда сам.

Следует предположить, что события в Италии представляли для Эвриха интерес в другом кон-

тексте: необходимо было знать, с кем придется сотрудничать или соперничать в будущем. Очевидно, Эврих не мыслил для себя, вестготов или Аквитании существование вне рамок империи, следовательно, ему было важно знать о положении в Равенне. Еще более интересной перспективой была возможность повлиять на развитие ситуации в Италии. Несомненно, зная о кончине Анфемиа, Рикимера и Олибрия и догадываясь о двусмысленном и непрочном положении Гундобада, Эврих счел этот момент оптимальным для вмешательства. Исходя из сказанного выше о механизме распространения покровительства вестготов в Аквитании и Испании, Эврих должен был очень осторожно действовать там, куда его не приглашали. Он не предпринимал активных действий без поддержки на местах. Поэтому следует предположить, что в Италии существовало лобби в пользу прихода Эвриха или, по крайней мере, Вицентия во главе испанских и вестготских отрядов. Возможно, Вицентий рассматривался как альтернатива Гундобаду в качестве нового *magister militum* после смерти Рикимера – это объясняет упомянутое выше сообщение Галльской хроники 511 г. о том, что Вицентий был отправлен Эврихом в Италию кем-то вроде *magister militum* [4. С. 102]. У Вицентия было много преимуществ: он был романского происхождения, давно командовал войсками в Испании и опирался на союз с вестготами. Очевидно, что появление Вицентия в Италии было продумано и рассчитано с точки зрения потенциальных выгод всеми участниками этого мероприятия – итальянской, испанской и вестготской сторонами. Эврих, не участвуя в походе на Италию самостоятельно, в случае успеха получал возможность контроля имперского престола через Вицентия. Речь не шла об императоремарионетке, но максимально благоприятные условия договора с вестготами могли быть гарантированы. В свою очередь, в Равенне недруги Рикимера, опасавшиеся преследований со стороны Гундобада, смогли бы развеять свои страхи – при этом сохранив самостоятельность по отношению к Восточной империи, другому полюсу силы. Роль вестготов как хранителей и протекторов Аквитании распространилась бы на весь Запад, одновременно окончательно легитимизировав доминирование Эвриха в Галлии в противовес бургундам и франкам. В ситуации шаткого баланса сил, основанного на различных варварских формированиях внутри империи, подобный сценарий имел большие шансы на реализацию.

Однако, если такие планы действительно существовали, им не суждено было сбыться. Вицен-

тий, только прибыв в Италию, был убит комитами-германцами. То, что речь в хронике идет не о сражении и разгроме войска, а об убийстве, позволяет предположить, что Вицентий появился в Италии не во главе крупных военных сил, а с относительно небольшим сопровождением. Это говорит о неуверенности его и Эвриха в положении в Италии, в гарантированной поддержке. Таким образом, как было сказано выше, миссия Вицентия была скорее разведкой, проверкой реального положения дел, которое можно было оценить только на месте.

Справедливости ради следует сказать, что Иордан приводит альтернативное объяснение мотивам Эвриха. В Гетике оговаривается, что король вандалов Гейзерих с помощью неких даров поощрял Эвриха к противостоянию с римлянами в надежде ослабить Западную империю и тем самым обезопасить свое положение в Африке от претензий империи Восточной (*Gyzericus etenim Vandalorum rex suis eum muneribus ad ista committenda inculcit*) [6. С. 108]. Однако это сообщение Иордана не подтверждается иными источниками; нет никаких сведений об обмене посольствами или дарами между вестготами и вандалами в это время. Маловероятно, что Гейзерих осуществлял столь масштабную стратегию создания антиимперской оси варваров, пятой колонны внутри империи. Более логичным представляется иное объяснение данного высказывания Иордана. Поскольку Гетика была написана в период правления Юстиниана, после завоевания им королевств вандалов и остготов, тема противостояния империи и варваров воспринималась как актуальная. Гейзерих был известен своими победами в аналогичной ситуации, поэтому демонизация его образа, приписывание ему всех неудач и поражений империи как на Востоке, так и на Западе выглядит естественным шагом в контексте исторической конъюнктуры. Кроме того, немаловажным для Иордана или, скорее, Кассиодора представляется мотив оправдания готов и их предводителей. Агрессивные действия вестготов Эвриха в Галлии и Испании в свете дополнявшей их оговорки о соглашении с Гейзерихом выглядят смягченными; вина за них разделена с вандалами. Тем более, что отношения между вестготами и вандалами действительно существовали [9. С. 109], и возможна контаминация исторических событий, сознательная или нет.

Убийство Вицентия доказало, что позиции сторонников Гундобада (в числе которых мог быть и Одоакр как протеже Рикимера) были на тот момент достаточно сильны, чтобы защитить свое положение. По крайней мере, для Эвриха это было

прозрачным сигналом, после которого его амбиции ограничились Аквитанией и Испанией. Поэтому ни в коем случае нельзя утверждать, что Эврих стремился к верховному господству над империей, как это делает О.В. Аулов [10. С. 36]. Эта точка зрения восходит к взглядам Л. Шмидта, однако уже в 1937 г. К. Штроэкер в классическом для немецкой историографии исследовании «Eurich, König der Westgoten» (Kohlhammer, Stuttgart 1937) указал на явную переоценку вестготами своих возможностей в случае подобных планов. Д. Клауде считает, что Эврих отказался от них под впечатлением от падения Западной империи, подорвавшего идеал единого государства [11. С. 55, 242]. Однако с этим аргументом нельзя согласиться – во-первых, на тот момент никаких признаков падения империи не было, а во-вторых, идеал единой политической общности сохранялся в общественном сознании европейских народов на протяжении всего Средневековья. Ход рассуждений Х. Вольфрама представляется более последовательным. Исследователь полагает, что политика Эвриха в конечном счете базировалась на «латинско-племенном партикуляризме» [1. С. 270]. Это подразумевает приоритет интересов Аквитании и Испании в политике Эвриха по сравнению с общеимперскими, последовательный курс на интеграцию вестготской и аквитанской элит и, соответственно, все большее встраивание в тренд провинциального сепаратизма.

Пристальное внимание Эвриха к событиям в Италии было оправданным и в контексте провинциальных интересов. Нестабильность и непредсказуемость имперской власти беспокоили и аквитанскую знать, и предводителя вестготов. Гражданское противостояние в Южной Галлии было во многом обусловлено неопределенностью в Равенне; легитимность статуса вестготов была под вопросом, пока отсутствовал договор с императором. Возможно, этот договор был главным мотивом появления Вицентия в Италии как для Эвриха, так и для знати, стоявшей за ним. Положение обострилось с возвышением Гундобада – необходимо помнить о том, что бургунды являлись альтернативным вестготам фокусом военной силы в Галлии, способным выступить как противники – как это произошло несколько ранее в период конфликта с Анфемием (*Burgundzorum gentem vicinam Romanisque in eo tempore foederatam advenit*) [6. С. 107]. Усиление позиций Гундобада в Равенне угрожало прямой конфронтацией с бургундами с опасными для вестготов последствиями. В случае неодобрения императором перераспределения власти и территории вестготов, произошедшего в Ак-

витании, Эврих и его сторонники могли потерять свое положение, статус и жизнь. В этой ситуации чрезвычайно ко времени пришлось распри среди бургундов, заставившие Гундобада спешно покинуть Италию. В результате его союзник и ставленник Гликерий остался без поддержки.

К этому периоду относится сообщение Иордана о появлении в Италии остготов Видимера. Иордан указывает на то, что Гликерий одарил Видимера и отправил остготов в Галлию к Эвриху [6. С. 117]. К сожалению, эти события не отражены в других источниках, и верифицировать данные Иордана нельзя, поэтому его свидетельство следует рассматривать с осторожностью. Можно предположить, что Гликерий, встревоженный появлением Вицентия и обеспокоенный ситуацией в Аквитании и Испании, попытался использовать имевшиеся в его распоряжении отряды германских федератов для ее разрешения. Это предположение подтверждают слова Х. Вольфрама о возможности поселения Видимера в области Лимузена, поблизости от Оверни и Клермона, где существовало противостояние между Эврихом и группировкой местной знати во главе с Экдицием и Сидонием Апполинарием [1. С. 268; 5. Р. 1165, 1178]. Однако если Гликерий действительно посылал некие формирования в Галлию, то они не смогли или не успели вызвать значимый эффект. Император столкнулся с проблемами в отношениях не только с варварами-федератами, но и с Константинополем, который не признал Гликерия. Несмотря на демонстративную лояльность западного императора, Восток выдвинул своего кандидата – *magister militum Dalmatiae* Юлия Непота [5. Р. 777; 12. С. 69]. За неимением значимой силовой поддержки Гликерий лишился власти; партия Константинополя победила. Для вестготов очередной переворот в Равенне должен был вновь актуализировать проблему налаживания взаимоотношений с имперской властью со всеми сопровождающими опасениями и тревогами; однако, как ни покажется странным на первый взгляд, ситуация была обратной. Непот сумел в кратчайшие сроки обеспечить то, что не удалось его непосредственным предшественникам, – взаимный компромисс группировок, баланс сил и относительное единство Запада. В рамках этого курса Эврих и его союзники получили легитимность и гарантии своего будущего в империи – то, что было для них принципиально важным.

Подводя итоги, следует отметить, что период 471–475 гг., отмеченный политической борьбой, частой сменой императоров, фракционностью для Западной империи, не изменил имперских при-

оритетов и ориентиров вестготов. Более того, в данный период эти приоритеты проявились ярче, чем ранее. Обвинения Эвриха в амбициозном стремлении к власти со стороны Сидония Апполинария, а затем – Иордана обусловлены ситуативным противостоянием партий в момент написания источника и не позволяют объяснить действия или бездействие вестготов в это время. Выжидательная, осторожная стратегия поведения Эвриха не дает повода говорить о его беспричинной агрессивности по отношению к романскому населению. Походы вестготов в это время были приняты по просьбе и в поддержку местных аквитанских и иберийских официалов, использовавших вестготские силы для осуществления собственных интересов. Итоговое перераспределение внутри финансовых, социальных и идеологических иерархий провинций империи, соответственно, не было связано с возвышением варваров и монополизацией ими статуса элиты, а подразумевало переход влияния от одних романских аристократических кланов к другим. То, что Эврих умело использовал эту борьбу группировок для усиления собственной позиции как лидирующего военного руководителя в регионе, говорит о достаточно свободном ориентировании в социально-политическом ландшафте поздней империи. Это то, чего не хватало его предшественникам, из-за чего вестготы долгое время оставались в маргинальной позиции по отношению к римскому государственному и общественному механизму. Действия же Эвриха говорят о значительной степени интеграции в этот механизм – целенаправленное формирование, поддержание и использование к своей выгоде нишевой функциональности вестготов в имперской системе возможно только при понимании этой системы в ее целостности. Системность видения Эврихом имперских процессов проявилась и во вни-

мании к событиям в Италии – что также не было характерно для его предшественников. Прощупывание почвы с помощью Вицентия явно было направлено на изучение внутренней ситуации в Италии и поиск союзников – в отличие от прямого и малоуспешного вторжения Теодориха II в поддержку Авита. Эвриха беспокоила реакция равеннского двора на изменения, происходившие в регионе; он и, очевидно, его романские сподвижники нуждались в имперской санкции на эти изменения, следовательно, сохраняли как идеал целостность системы римского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вольфрам Х.* Готы. СПб.: Ювента, 2003.
2. *MacGeorge P.* Late Roman Warlords. Oxford University Press, 2002.
3. *Sidonius.* Poems and letters. V. I. London: William Heinemann Ltd, 1963.
4. *Тенденциозность «Галльской хроники 511 года» //* Античная древность и средние века. 2006. Вып. 37.
5. *The Prosopography of the Later Roman Empire.* V. II. Cambridge University Press, 1980.
6. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. СПб.: Алетейя, 1997.
7. *Исидор Севильский.* История готы, вандалов и свевов // Античные и средневековые источники по истории Испании. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
8. *The Chronicle of John Malalas.* University of Melbourne, 1986.
9. *Хроника Идация //* Античные и средневековые источники по истории Испании. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
10. *Ауров О.В.* Королевства вестготов в истории средневекового Запада // Вестготская правда (Книга приговоров). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012.
11. *Клауде Д.* История вестготов. СПб.: Евразия, 2002.
12. *Марцеллин Комит.* Хроника. Белгород: БелГУ, 2010.